ФИЛОСОФИЯ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

THE PHILOSOPHY OF THE CIVIL-MILITARY RELATIONS IN THE MIDDLE EAST

© 2021 **Владимир Муртузович Ахмедов**

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
shamyarabist@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

Vladimir M. Akhmedov

PhD (History), assistant professor, Senior Research Fellow
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow
shamyarabist@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

Армия сыграла большую роль в современной истории стран Ближнего Востока. В последние десятилетия военные были фокусом арабской политики, находясь в центре механизма принятия решений. В 1980–1990-е гг. арабские правители научились обуздывать аппетиты своих военных в отношении власти и военных переворотов. Однако, как видно из дальнейшего развития, эта тенденция не стала необратимой. Сегодня вооруженные силы Ближневосточных государств оказывают определяющее влияние на развитие основных процессов внутренней и внешней политики, систему региональной безопасности. В статье исследуются универсальные отечественные и зарубежные методологические и теоретические подходы и критерии изучения военно-гражданских отношений. На основе полученных результатов автор пытается разработать оригинальную модель исследования военно-гражданских отношений в Ближневосточных государствах с учетом особенностей их развития и специфики восточного социума. Особое внимание уделено историческим условиям формирования вооруженных сил арабских стран, их роли и месту в

общественно-политической системе этих стран. Выявляются причины и мотивы вмешательства армии в политику. Рассматриваются различные инструменты контроля над военными со стороны правящих режимов. Изучается характер взаимодействия военных и исламистов. Показаны особенности взаимоотношений армии и власти, армии и общества в странах Арабского Востока. Отмечена значимость национальных и религиозных особенностей в системе военно-гражданских отношений. Выделена роль личности в формировании поведенческого стереотипа военных.

Ключевые слова: армия, военные, военно-гражданские отношения, гражданский контроль, военные перевороты, политика, Ближний Восток, арабские страны.

Для цитирования: Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 85–94. DOI 10.18254/S268684310018024-4

The Army has played a significant role in the contemporary history of the Middle Eastern states. This fact was determined not only by the frequency of wars and military crises but mainly by the role of the military in domestic politics. In the past few decades, the army and security apparatus presented a focal point of Arabian countries' politics. The military was the center of the power and decision-making mechanism in Middle Eastern countries. In the 1980–1990-s Arab rulers managed to curb the appetites of their military for power and military coups. Further developments of "Arab spring" proved this tendency wasn't irreversible. The author studies universal Russian and Western methodological and theoretical approaches and criteria for examining civil-military relations. Based on the given results the author attempted to work out an original model for studying the civil-military relations in the Middle Eastern countries regards specific of its developments and in view of the special characteristics of the Arabic society. The main attention is paid to historical preconditions for the formatting of the armed forces in Arab countries. The author also examines the interaction between politics and military, military and society and tries to show the main reasons behind the army's seizure of power in many Arab countries from the social, political, and economic backgrounds of military rule. The criteria of the civil control under the military and different approaches for preventing army's intervention in politics are in the focus of this article. The author stresses the role of the national and religious factors in the system of civil-military relations. The role of the ruler and ruling élites in determining the behavioral patterns of the military are the subject of the author's investigation as well.

Keywords: army, military, civil-military relations, civil control, military coups, politics, Middle East, Arab countries.

For citation: Vladimir M. Akhmedov. The Philosophy of the Civil-Military Relations in the Middle East. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 85–94. DOI 10.18254/S268684310018024-4

Особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определяют специфику развития основных политических процессов в регионе.

После «Арабской весны» конфликтность в регионе заметно возросла. Система региональной безопасности подвергается серьезным испытаниям. В ряде стран продолжаются вооруженные конфликты, внутривластная стабильность в других подвергается серьезным рискам. Ближневосточные государства испытывают острые соци-

альные и экономические проблемы, переживают острый кризис политических систем и властных институтов. Они сталкиваются с подрывом прежней национальной самоидентичности и модели государственного устройства. В поисках выхода из сложившегося положения правящие круги арабских стран ищут надежную опору, которая смогла бы образовать новый «центр силы», сплотив вокруг него, основные политические и общественные институты государства. Одной из таких сил могла бы, на наш взгляд, стать армия.

Действительно, в ходе «Арабской весны» на фоне провала арабских правящих режимов именно армия и исламисты вышли на авансцену внутренней политики и продолжают оказывать определяющее влияние на развитие политических процессов в странах Арабского Востока¹.

Военные элиты Ближневосточных государств нередко оглядываются в прошлое, пытаются найти в нем рецепты решения современных геополитических проблем, черпая из исторического опыта как стимулы для военной экспансии, так и мотивы для мирных инициатив.

Сегодня территория Благодатного полумесяца распределена между Турцией, Сирией, Ливаном, Израилем, Иорданией, Палестинской автономией, Египтом. Все они в определенной мере могут считаться наследниками военной мощи Османской империи. Во всех этих странах вооруженные силы играют огромную роль в жизни общества.

В последние десятилетия важную роль в военном балансе сил на Ближнем Востоке играют Израиль и Иран. Их армии считаются технически самыми оснащенными и боеспособными. Военно-политические потенциалы Турции, Ирана, Израиля, Египта, Саудовской Аравии представляют собой структурную основу системы региональной безопасности.

К концу 1990-х гг. Иран выстроил так называемую ось сопротивления, которая начиналась в Тегеране, проходила через территории Ирака, Сирии, Ливана, Газы и упиралась своим острием в северные границы Израиля. В свою очередь, Израиль на рубеже 1970–1980 гг. завершил формирование геополитической оси Каир – Тель-Авив – Стамбул. Фактически эта ось воспроизводила ту структурную схему военной организации региона, которую еще в XVI в. построили османы [Зеленев, 2003, с. 379–380]. В 2020 г. были подписаны «Авраамические соглашения», что позволило Израилю нормализовать отношения с рядом арабских государств, прежде всего, монархиями Персидского залива. Это

еще больше укрепило указанную ось. Как и прежде, она и сегодня остается важнейшим фактором стратегической стабильности в этом районе мира [Фуше, 1999, с. 131, 132].

В самой Османской империи армия на протяжении всего периода XVI – начала XX вв. играла ключевую роль в политике. Преодолеть военный характер своей государственности османам так и не удалось. Не получивший компромиссного разрешения конфликт между военными и гражданскими методами управления страной стал одним из решающих факторов ослабления и распада Османской империи [Зеленев, 2003, с. 378].

В Египте, Сирии, Ираке и в других странах, так же, как и в Османской империи, переход от нерегулярного войска к постоянной и регулярной армии растянулся во времени на столетия. Традиционно организованные восточные армии, построенные на смешанной постоянно-наемной основе, сравнительно долгое время удовлетворяли потребности авторитарного государства и соответствовали возможностям многоукладного восточного общества с сильными элементами местного самоуправления.

На рубеже 1950–1960 гг. в государствах Ближнего Востока происходил процесс активного приобщения армии к политике. Военные вышли за рамки своих обычных функций, и начали мыслить о себе как о политической силе.

В результате этих изменений армия обрела специфические свойства. Армия утвердила свой статус органа государства, инструмента власти и государственного управления. Вооруженные силы превратились в важнейший силовой инструмент политической власти, как во внутренней, так и во внешней политике [*Армия и общество*, 1999, с. 15–16].

Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. В качестве объекта армия испытывала на себе воздействие всех важнейших субъектов политики и прежде всего государства и его главных структурных элемен-

1 Подробнее о причинах этого см.: [Ахмедов, 2008].

тов. Это служило общеполитическим объяснением социально-политической неоднородности и наличия политических противоречий в рядах армии.

Социальная активность армии проявлялась в двух видах. Внешняя деятельность армии была направлена на оборону границ государства. Внутренняя же деятельность армии решала задачу поддержания порядка внутри государственного образования.

При этом в большинстве стран Ближнего Востока внутренняя функция армии являлась двойственной. Помимо поддержания стабильности и порядка в стране, армии вменялось служить защите режима, находящегося у власти. Отсутствие у данного режима военной поддержки свидетельствовало о непрочности его положения. Похожую ситуацию мы могли наблюдать на разных этапах исторического развития в Египте, Сирии, Ираке, Алжире (Подробнее об этом см.: [Армия и Власть на Ближнем Востоке, 2002]). Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер и содержание активности армии как субъекта политики. Выступление военных кругов почти всегда приурочивались к моменту, когда противоборство в обществе достигало критической точки, и правящий режим оказывался под угрозой [Федоров, 1999, с. 12].

Важную методологическую основу исследования составляют теоретические положения и категории, разработанные в отечественном и зарубежном обществознании в рамках различных подходов к изучению взаимоотношений армии и общества и роли военных в политической жизни.

В отечественной военно-философской литературе советского периода связь армии и политики рассматривалась с точки зрения марксистского учения о базисе и надстройке. В марксистской концепции о роли армии в политической жизни общества важнейшее методологическое значение имело положение об «относительной самостоятельности вооруженных сил» в политической системе [Бабуркин, 1994, с. 14].

Относительная самостоятельность являлась имманентным свойством армии как надстроечного института и характеризовала ее естественное и нормальное положение в обществе. Политическая же самостоятельность и известная независимость военных оценивались как аномалия и нарушение обычных функций армии. Именно так обстояли дела в большинстве стран Азии и Африки на рубеже 1950-1960-х гг., когда на переломных этапах развития общества в его переходных состояниях, относительная самостоятельность армии трансформировалась в гипертрофированную политическую активность [Меньшиков, 1991, с. 13].

Данные положения можно признать в целом верными для характеристики общественно-политической ситуации, сложившейся в большинстве стран Ближнего Востока после Второй мировой войны и определения причин выхода армии на политическую арену ближневосточных государств. Особенности классовой структуры ближневосточных государств того времени определили высокий удельный вес в обществе и значительную роль в политической жизни промежуточных и средних социальных слоев. В их число входило и офицерство, которое имело потенциальную возможность воздействовать на политику страны, опираясь на вооруженную силу. Таким образом, сложилась традиция вмешательства армии в политику стран Ближнего Востока [Мирский, 1976, с. 4].

Чрезмерное проявление относительной самостоятельности армии как элемента политической надстройки общества было тесно связано с бонапартизмом [Бабуркин, 1994, с. 16]. Анализ этого явления приводит к выводу о том, что армия не всегда служила слепым орудием в руках правящих классов, а при определенных обстоятельствах даже могла взять на себя «революционную инициативу». Примером этого может служить роль военных в Египте в январе 2011 г.²

В западной политологии роль армии в политической жизни изучалась в рамках теории

2 Подробнее см.: [Ахмедов, 2012].

военно-гражданских отношений, которые рассматривались как система, состоявшая из взаимозависимых элементов. Ее главными компонентами являлись: формальное положение вооруженных сил во властных структурах, неформальная роль и влияние военных в политике и обществе в целом, характер идеологии военных и гражданских групп. Как часть единой системы ни один из этих элементов не мог измениться, не вызвав последующих изменений других элементов. Для их обобщающей характеристики в теории военно-гражданских отношений использовалась категория «гражданский контроль». Именно с точки зрения гражданского контроля чаще всего и рассматривалась роль армии в политической жизни общества, ее место в политической системе той или иной страны. С этой точки зрения важное значение имеет характеристика типологий гражданского контроля, разработанных С. Хантингтоном (объективный, субъективный) и Э. Нордлинджером (традиционный, либеральный, нетрадиционный). Так, одной из важнейших задач молодых демократий становится установление гражданского контроля над армией, с целью ограничения влияния военных на политику. Армия остро реагирует на утрату своей власти и привилегий. С целью свержения правящего режима или изменения его политики армия может пойти на любые действия, включая государственный переворот [Huntington, 1991, p. 269].

В качестве первой модели гражданского контроля выделялась «традиционная», суть которой состояла в отсутствии заметной разницы между гражданскими и военными элитами. Таким образом, исчезал повод для возникновения между ними сколько-нибудь серьезного конфликта и вмешательства военных в общественно-политическую жизнь. Такой тип взаимоотношений между гражданскими и военными был характерен для европейских монархий XVII–XVIII вв. Военные и гражданские правители имели общее ари-

стократическое происхождение, схожие взгляды и интересы [Nordlinger, 1977, p. 11]. В редких случаях данная модель давала сбой. Это случилось, когда аристократ был больше заинтересован в достижении власти и богатства. Военную службу он рассматривал как побочное занятие для укрепления своих позиций в обществе [Huntington, 1957, p. 26–27]. Начиная с XIX в. положение изменилось. Новые критерии набора на военную службу — образование и профессионализм вместо наследственного титула и богатства, положили начало процессу дифференциации гражданских и военных элит. Применение сегодня на практике «традиционной» модели гражданского контроля чрезвычайно редко или вовсе отсутствует [Nordlinger, 1977, p. 11–12].

«Либеральная» модель исходит из существующих различий между элитами в соответствии с полученными знаниями и данными полномочиями. С учетом более широких полномочий гражданских лиц, их более высоким уровнем знаний, военные занимают подчиненное положение. Военные не только не должны касаться вопросов, выходящих за рамки национальной безопасности, но и в этой сфере они могут лишь давать правительству советы, подчиняясь решению гражданских властей в случае наличия разногласий по обсуждаемой проблеме. Таким образом, речь шла о максимально возможной деполитизации армии [Nordlinger, 1977, p. 12]. Однако данная схема военно-гражданских отношений могла быть успешно применена на практике при соблюдении ряда условий. Гражданские политики должны были с уважением относиться к армии. Они не вторгались в сферу профессиональных интересов военных. Не использовали армию в качестве средства для приобретения политических преимуществ. В случае соблюдения политиками указанных правил, офицерский корпус имел мало оснований для вмешательства во внутривластные дела³.

3 Указанную схему военно-гражданских отношений более или менее успешно пытались реализовать в Турции. С другой стороны, за более чем 90-летний период республиканского развития армия приобретала относительную самостоятельность в политической структуре общества. Выделилась в качестве особого политического института,

В теории «либеральная» модель представляется наиболее эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике сами гражданские нередко нарушали так называемую гражданскую этику поведения в отношении военных. Они стремились контролировать процессы назначения и продвижения по службе в армии, а также прибегать к услугам военных для обеспечения собственных политических интересов. Подобное поведение гражданских властей формировало хорошо мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии [Nordlinger, 1977, p. 13]. Укоренение в общественном сознании культуры «гражданской этики» во многом зависело от высокого авторитета гражданских правителей в армейских кругах. Однако в силу неспособности многих руководителей завоевать такой авторитет, с одной стороны, и завышенных ожиданий военных в отношении политиков, с другой, в большинстве развивающихся стран правящие режимы не получали устойчивого одобрения со стороны армии.

Третий тип гражданского контроля над армией мог быть реализован в рамках «нетрадиционной» или «пенетрантной» модели. Гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и политработников. В результате достигалась схожесть политического мировоззрения гражданских служащих и военных, что снимало потенциальную угрозу возникновения конфликта между ними. Наряду с профессионализмом и личными качествами, политический конформизм определял продвижение по службе в армии. Данный метод требовал разработки строгой системы контроля, проверки и наказаний. Повышалась роль спецслужб в армейской среде, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям.

Достаточно убедительным примером действия подобной модели могла служить Сирия периода правления Х. Асада (1970–2000)⁴.

«Пенетрантная» модель могла быть успешно реализована в государствах с особым характером режима — личной власти, либо жестко централизованного однопартийного руководства. В государствах, где наличествовали различные центры силы, многопартийность, действовал принцип разделения властей, было возможно лишь одновременное установление гражданского контроля над армией и внедрение политической идеологии, что являлось неприемлемым для военных. Любые попытки применить данную схему в таких государствах неизбежно вели к расколу офицерского корпуса и конфликту между военными и гражданскими [Nordlinger, 1977, p. 15–18].

Все три вышеупомянутые модели носили весьма условный характер и имели ограниченный потенциал применения в развивающихся странах. В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался тип гражданского контроля, синтезированный из элементов «пенетрантной» и «традиционной» моделей. При этом в условиях, когда в течение последних трех десятилетий до начала «Арабской весны» у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные, будь то президенты или монархи, а многие ключевые посты в партийно-бюрократическом аппарате занимали бывшие и действующие военные, говорить о гражданском контроле в чистом виде не приходилось. Скорее речь шла о политическом контроле над армией со стороны правящей элиты в целях обеспечения собственной безопасности и стабильности режима (См.: [Ахмедов, 2004]).

Противоположностью «гражданского контроля» является «вмешательство армии в по-

способного при определенных условиях коренным образом изменить политическую ситуацию в стране. Последняя такая попытка была предпринята военными летом 2016 г. На наш взгляд, она явилась результатом ряда допущенных властями ошибок во взаимоотношениях с военными, следствием негативного влияния на внутреннюю ситуацию кризиса в соседней Сирии, поисками внешних враждебных сил.

4 См.: [Ахмедов, 2002].

литику», которое в западной политологии нередко обозначается термином «преторианство» [Nordlinger, 1977, p. 2–3]. На практике это означало проведение военными в жизнь собственных политических решений с использованием силы или угрозы ее применения⁵. Но участие военных в политике не исчерпывалось столь крайними мерами. Оно могло протекать в более умеренных формах, в рамках, действовавших в данном обществе законов и норм. На деле, вооруженные силы любого государства, даже того, где верховенство гражданской власти не вызывает никаких сомнений, обладают значительным политическим влиянием. Его источниками являются уже само предназначение армии, ее функции, материальные ресурсы и возможности, которыми она наделена для выполнения возложенных на нее задач.

В западной политологии выделялись два подхода к поиску причин вмешательства армии в политику: универсальный, сторонники которого стремились к выяснению общих, универсальных закономерностей в этой сфере общественных отношений и конкретно-страноведческий. Приверженцы второго подчеркивали специфику взаимодействия между гражданскими и военными элитами в отдельно взятых странах. На основе разграничения факторов и причин, способствовавших (или препятствовавших) вмешательству военных в политику, выделялись структуралистский и мотивационный подходы. В поисках ответа на вопрос о причинах вмешательства армии в политику исследователи, прежде всего, обратили внимание на субъект этого явления — саму армию и пытались найти объяснение в особых свойствах этого института и его офицерского корпуса. Однако узкий институциональный подход не привел к убедительному и исчерпывающему решению проблемы.

Наряду с социальными и институциональными аспектами политической активности военных, значительное внимание уделялось субъективному фактору, психологической мотивации действий офицерского корпуса. Действительно, национальные особенности народов придавали геополитическую определенность военной силе. При этом людские ресурсы, национальный характер и национальная модель управления играли важную роль в процессе формирования военной мощи государства. Однако указанные факторы могли трактоваться весьма неоднозначно в зависимости от поставленных задач по достижению определенных целей. Так, философия «пруссиианизма» в государственном строительстве (милитаризм, империализм, автократия) предполагала, что успех индивида и общества в целом обеспечивается подчинением, приверженностью авторитаризму и самоотречением. Независимость мышления, свобода сознания и действий рассматривались скорее как препятствие, источник слабости [Morgenthau, 1962, pp. 223–224]. Неоднозначность данной философии и ее опасность для страны в условиях кризиса можно хорошо видеть на сирийском примере (см.: [Akhmedov, 2020a]).

Действительно, национальные особенности и религиозные предпочтения населения отражаются на их отношении к военному делу. Они оказывают влияние на порядок комплектования войск, способы их боевых действий, на боеспособность и боевые качества личного состава, моральный дух армии, его специфику. Так, консолидация и конституирование наций, защита национальных интересов и ценностей, обеспечение национальной безопасности выступали серьезной и постоянной мотивацией активности военных, влияли на содержание военной политики государств. Однако указанные

5 Данный термин носит весьма условный характер, и касается только офицерского корпуса. Одним из первых его применил американский политолог Э. Нордлинджер. Он заимствовал указанное определение из знаменитого исследования истории падения Римской империи: Gibbon Edward. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol II. New York: Modern Library, 1996 [Gibbon, 1996]. У Э. Гиббона речь шла о преторианской гвардии римлян как одном из факторов ослабления могущества Римской империи, после того как преторианцы стали свержать неугодных императоров и контролировать деятельность римского сената.

показатели не остаются неизменным, и в процессе развития утрачивают одни и приобретают другие особенности (примеры рассмотрены в: [Ахмедов, 2020]).

В ряде случаев определяющее влияние на формирование военной политики ближневосточных государств мог оказывать и личностный фактор. Политическая воля руководства страны, в том числе крупных военачальников, выступает в арабских странах в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. Готовность и способность лидера прибегнуть к поддержке проводимого им курса вооруженными методами и применить имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы оказывают серьезное влияние на степень политической активности вооруженных сил и проблемы региональной безопасности. В зависимости от характера и природы правящей элиты, выдвигающей того или иного лидера, на одной и той же объективной основе может утвердиться разный военно-политический курс. Выбор военной силы и бескомпромиссной борьбы в защиту своих действительных или мнимых ценностей. Либо принятие гибкой тактики поэтапных уступок, маскируемых, как правило, в виде компромиссов по ходу мирных переговоров, для того чтобы избежать военного столкновения (в качестве примера см.: [Ахмедов, 2021]).

Таким образом, в западной военной политологии сформировались в итоге три основных направления. «Структурно-функциональное», представители которого акцентировали внимание на характеристиках общества. «Институциональное» представленное сторонниками «теории организации», которые выделяли корпоративные свойства армии и военной элиты. «Социопсихологическое», приверженцы которого концентрировали внимание на внутренней мотивации политической активности военных. Вместе с тем в последнее время преобладает тенденция к соединению элементов этих подходов, что дает наиболее существенные результаты.

На основе рассмотрения основных теоретических подходов к проблемам «армия и политика»,

«армия и власть», «армия и общество», «армия и ислам» в отечественной и зарубежной политологии можно было сделать следующие выводы. Вооруженные силы должны рассматриваться как сложное и многомерное по своей природе явление, разными гранями неразрывно связанное с обществом, и, в частности, с его политической сферой, в которой они предстают одновременно объектом и субъектом. Но и в качестве субъекта политического процесса армия, будучи сложной системой, выступает в разных измерениях: и как институт государства, орудие силы государственной власти, и как заинтересованная социальная группа, имеющая свои корпоративные интересы, а в развивающихся странах нередко и как объект влияния иностранных держав (в качестве примера российско-иранского соперничества за ВС САП см.: [Akhmedov, 2020b]).

В этой связи рассмотрение вооруженных сил лишь как орудия правящих классов, сущность которого однозначно определяется природой и характером государства, представляется неправомерно ограниченным и недостаточным. Для полномасштабной и адекватной оценки роли армии в политике необходимо учитывать весь комплекс ее измерений. Именно конкретное соотношение разных элементов структуры армии как субъекта политического процесса, преломляющееся через мотивацию офицерского корпуса, и определяет, в конечном счете, ее политическое поведение. Таким образом, междисциплинарный подход, использование методов системного, сравнительного и исторического анализа, учет диалектического взаимодействия различных факторов — цивилизационных, структурных, институциональных, психологических — открывают наибольшие возможности для сбалансированного комплексного анализа и научного объяснения проблем политической активности вооруженных сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. — 387 с. [Army and Society.

1900–1941. *Articles and Documents*. Moscow, 1999. — 387 p. (in Russian)].

Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. В. М. Ахмедов. М., 2002. — 400 с. [*Army and Power in the Middle East: From Authoritarianism to Democracy*. Collected Papers. V. M. Akhmedov (ed.). Moscow, 2002. — 400 p. (in Russian)].

Ахмедов В. М. Армия и политика в современной Сирии. *Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии*. Сб. статей. Отв. ред. В. М. Ахмедов. М., 2002. С. 153–188 [Akhmedov V. M. Army and Politics in Modern Syria. *Army and Power in the Middle East: From Authoritarianism to Democracy*. Collected Papers. V. M. Akhmedov (ed.). Moscow, 2002. Pp. 153–188 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. *Офицерский корпус ближневосточных государств*. Сб. статей. М., 2004. С. 3–23 [Akhmedov V. M. Officership in the Socio-Political Life of the Countries of the Middle East. *Officer Corps of the Middle Eastern States*. Collected articles. Moscow, 2004. Pp. 3–23 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М., 2008. — 104 с. [Akhmedov V. M. *Social and Political Processes in the Arab Countries of the Middle East*. Moscow, 2008. — 104 p. (in Russian)].

Ахмедов В. М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* Сб. статей. М., 2012. С. 72–91 [Akhmedov V. M. Army and Arab Revolutions in the Middle East. *The Middle East, Arab Awakening, and Russia: What's Next?* Collected Papers. Pp. 72–91. Moscow, 2012 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Алавиты в социально-политической системе САР. *Азия и Африка. Взаимодействие региональных и глобальных тенденций*. Отв. ред. А. М. Хазанов. М., 2020. С. 71–86 [Akhmedov V. M. Alavites in the Socio-Political System of the SAR. *Asia and Africa. Interaction of*

Regional and Global Trends. A. M. Khazanov (ed.). Moscow, 2020 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Армия САР в условиях кризиса: военно-политический аспект. *Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Актуальные проблемы*. Ежегодник. М., 2021 (препринт) [Akhmedov V. M. Army of the SAR in the Conditions of the Crisis: The Military-Political Aspect. *Instability of the Geostrategic Space in the Near, Middle and Far East. Actual Problems*. Yearbook. (Pre-print). Moscow, 2021 (in Russian)].

Бабуркин С. А. *Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор)*. Авт. докт. дисс. (полит. науки). М., 1994 [Baburkin S. A. *Army and Politics in the Andean Countries (Venezuela, Colombia, Ecuador)*. Abstract of diss. for the degree of DSc (Political Science). Moscow, 1994 (in Russian)].

Зеленев Е. И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб, 2003. — 419 с. [Zelenev E. I. *Public Administration, the Judiciary and the Army in Egypt and Syria (16th– early 20th Century)*. Saint Petersburg, 2003. — 419 p. (in Russian)].

Меньшиков Е. Н. *Основные тенденции развития политических и государственно-правовых институтов в странах Африки*: Автореф. докт. дисс. М., 1991 [Menshikov E. N. *Main Trends in the Development of Political and State-Legal Institutions in African Countries*: Abstract of diss. for the degree of DSc. Moscow, 1991 (in Russian)].

Мирский Г. И. *Третий мир. Общество. Власть. Армия*. М., 1976. — 407 с. [Mirsky G. I. *The Third World. Society. Power. Army*. Moscow, 1976. — 407 p. (in Russian)].

Федоров В. А. *Армия и модернизация в странах Востока*. М., 1999 [Fedorov V. A. *Army and Modernization in the Countries of the East*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Фуше М. *Европейская республика. Исторические и геополитические контуры*. М., 1999. — 168 с. [Fouche M. *European Republic. Historical and Geopolitical Contours*. Moscow, 1999. — 168 p. (in Russian)].

Akhmedov V.M. Syrian Crisis: History and Current Politics. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020a. No. 3(13). Pp. 265–272.

Akhmedov V.M. Iran's Politics in the Middle East: Political and Military Dimensions. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020b. No. 4(14). Pp. 247–257.

Gibbon E. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol II. New York, 1996. — 912 p.

Huntington S. P. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. New York, 1957.

Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. London, 1991.

Morgenthau H. J. *The Decline of Democratic Politics*. Vol. I. Chicago, 1962.

Nordlinger E. A. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. New Jersey, 1977.